

БУНИН говорил, что он видел две трети мира — вся пора молодого писательства прошла в странствиях по России, Европе; он ездил в Ливан, Сирию, Иерусалим, Гонконг, на Цейлон. В Константинополе бывал тринадцать раз! Пережил, как он сказал, «копяние от мира», когда «восхищало все — и кабачок в Париже, и восход солнца в Альпах, и вьюга, и немецкие города». О себе он сказал в 1935 году:

«Страсть к обозрению мира», говоря словами Саади, всегда была и есть у меня в очень большой, даже редкой мере».

Ему хотелось, подобно персидскому поэту, философу и путешественнику XIII века Саади, «обозреть красоту мира», а в творчестве, обретая свою дорогу, не зависящую от модных литературных течений, дававших шумный успех, но ему чуждых, «оставить по себе чекан души своей».

И вот, по Горацию, «усталый от моря и дорог» (эпиграф к автобиографической записи Бунина «Дни и годы. Скитания». — А. Б.), на склоне лет своих проникся чувством сожаления об утрате прежней «беспечности, надежды на жизнь всего существа».

И хотя 4 августа 1917 года он записал: «Если человек не потерял способности ждать счастья — он счастлив. Это и есть счастье», — с годами мысли о том, что «дни... на исходе», становились все как-то потупнее.

Когда Бунин предается размышлениям, что жизнь уходит, это не есть пессимизм, разочарование в обычном, житейском понимании. Это — философские раздумья поэта над проблемами бытия. И его творчество, отобразившее эти раздумья, говорит о жизни вечной, общечеловеческой.

Его и в других писателях привлекали больше всего глубина замысла, неисчерпаемость содержания. Толстого нельзя мерить нашими мерками, говорит он. Это «один из самых необыкновенных людей, когда-либо живших на свете».

Бунин писал художнику П. А. Нилусу, своему другу, 10 июня 1910 года:

«Давно ли читал «Воскресение» Толстого? Это одна из самых драгоценных книг на земле».

«Воскресение» он читал и в последний день своей жизни — 7 ноября 1953 года, при этом говорил о Толстом:

— Ах, какой замечательный был во всех отношениях человек, какой писатель! «Войну и мир» читал, по его выражению, раз пятьдесят. А наиболее захватывающие его страницы из «Анны Карениной» помнил наизусть и мог, говорил он, умирая, повторить слово в слово главу, где Вронский впервые говорит о своей любви к Анне.

О кончине Льва Николаевича Бунин писал Нилусу 11 ноября 1910 года:

«Толстой потряс меня, как, кажется, ничто в жизни не потрясало».

Записи о Толстом Бунин делал постоянно, он, по его выражению, жил «в восхищении им».

В 1911 — 1912 годах были изданы в Москве и параллельно в Берлине «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» в трех томах: «Дьявол», «После бала», «Отец Сергий» и многое другое. Бунин писал 8(21) января 1912 года Нилусу:

«Ужели вы так сошли с ума на гравюрах, что и не читали двух томов Толстого? А если да — то что скажете? Я порою не нахожу слов для выражения телячьего восторга! В русских изданиях страсть сколько выпущено — я читал берлинское...»

«Азбука» Толстого, по его словам, «восхитительна» (запись 9 января 1915 г.).

Вера Николаевна записала 13(26) февраля 1919 года: «Ян (так она называла Ивана Алексеевича. — А. Б.) недав-

но перечитал «Семейное счастье» и опять в восторге. Он говорит, что мы даже и представить себе не можем, какой переворот в литературе сделал Лев Николаевич. Ян перечитывает старые журналы, а потому ему очень ярко бросается в глаза разница между Толстым и его современниками.

— По дороге неслись телеги, и дрожали ноги, — прочел он. — Ведь это модерн для того времени, а между тем как это хорошо! Ясно вижу картину.

Ян много читает по-русски, по-французски...»

12(25) марта 1919 года Бунин говорил Вере Николаевне, что «до сих пор Толстой не разгадан, не пришло еще время... Сильная любовь Яна к Толстому мешала ему проникнуть в его дом и стать ближе к Толстому».

Восхищаясь Буниным и Герцеком. Он писал:

«Кончил «Былое и думы». Изумительно по уму, силе язы-

Руси не говорил и которую даже читать невозможно!».

Чувство родины, языка, истории у него было огромно. Бунин говорил: все эти возвышенные слова, дивной красоты песни, «соборы — все это нужно, все это создавалось веками...». Он писал:

«Церковь Спаса-на-бору. Как хорошо: Спас-на-бору!». «Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним».

Эту запись Ивана Алексеевича сообщает В. Н. Бунина. С Верой Николаевной я переписывался в 1957—1961 годах. Она прислала мне рукопись своих воспоминаний. 15 мая 1957 года просила: «Если будете писать биографию Бунина, то не придавайте значения воспоминателям, пока я жива, сноситься со мною». В письме 23 июля 1957 года она говорит: «Когда мне будет посвободнее, я сообщу вам некоторые этапы нашей жизни в эмиграции, сей-

которых никто, кроме них, не видит».

Иван Алексеевич также вспоминает об этом вечере в указанном выше мемуарном очерке «Волошин», приводя запись тех дней:

«Волошин часто сидит у нас по вечерам. По-прежнему мил, оживлен, весел... Читает, между прочим, свои «Портреты».

Вера Николаевна записала 1(14) апреля 1919 года:

«Вечером у нас Волошин, он остался у нас ночевать (то есть в мастерской Нилуса), чтобы провести вместе весь вечер... Поэты просят друг друга читать стихи. Ян опять уклоняется. Волошин читает свои Киммерийские стихи (то есть «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» — циклы стихов о Восточном Крыме, в древности называвшемся Киммерия по имени населявшего его племени киммерийцев. — А. Б.). Он знает, чувствует тонко, любит свой край и все это передается слушателю. Но

теля есть отречение от жизни. Надо оставить все, думать только о работе...».

Столь же требователен он был и к самому себе, от этого нередко сомневался в своих силах, даже лучшая его вещь — «Жизнь Арсеньева», — пока он ее писал и печатал, казалась ему несовершенной. «Это моя давнишняя болезнь, очень меня мучающая, когда дело доходит до печатания», — писал он.

«...Все мы, даже самые сильные из нас, могут передать только частицу, которая совсем ничтожна, даже пошла, в сравнении с тем, что чувствуешь», — говорил Бунин, изображенный под именем «старика» в рассказе Кузнецовой «На вершине холма»; и «все слова старика — его подлинны слова», — писала мне Кузнецова 15 июня 1970 г. Вечная неудовлетворенность гения!

Вот он смотрит с высоты холма на лежащую внизу бух-

Александр
БАБОРЕКО

НА ВЕРШИНЕ ХОЛМА

БУНИН О ЛИТЕРАТУРЕ

В. Н. БУНИНА. Париж. 1927 г. (Снимок публикуется впервые.)

ка, простоте, изобразительности. И в языке — родной мне язык — язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени» (запись 26 июля 1913 г.).

О «Коляске» Гоголя Бунин говорил жене 2 (15) января 1919 года:

«Когда вспомнишь, что целая литература из одной «Коляски» вышла, пол-Чехова из «Коляски»! Какая простота и легкость удивительная!»

Бунина возмущало понижение читательского вкуса после Толстого и Чехова, да и общий уровень литературы в годы первой мировой войны заметно падал. «Никогда, — писал он 8 апреля 1916 года, — в русской литературе не было ничего подобного. Прежде за одну ошибку, за один неверный звук трепали по всем журналам. И никогда прежде русская публика не смотрела на литературу такими равнодушными глазами».

Его крайне заботило то, что на его глазах происходил «распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса».

«Сколько стихотворцев и прозаиков, — писал он, имея в виду Константина Бальмонта, Алексея Ремизова, — делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, «слова золотые», и бесстыдно выдавая их за свои, окверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архирусизме смесь, на которой никто и никогда не

час я занята очень». Она написала некоторые биографические даты для моей книги о Бунине и от письма к письму сообщала ценные сведения о его жизни и творчестве. Материалы о Бунине — это прежде всего его дневники и дневники самой Веры Николаевны, которые она вела, с небольшими перерывами, всю жизнь. (Материалы, публикуемые мною здесь, не вошли в 84-й том «Литературного наследства», посвященный И. А. Бунину.)

В современной литературе Бунину ближе всего было то, что взято из жизни, имело в ней свои корни, ценил он простоту формы, чего не находил у многих писателей его времени, в частности у Л. Н. Андреева.

Многое в Андрееве все же влекло Бунина, восхищало даже — его на редкость острый ум, его удивительный талант. В этом отношении интересна дневниковая запись Бунина 21 марта 1916 года:

«Говорили об Андрееве. Все-таки это единственный из современных писателей, к кому меня влечет, чью всякую новую вещь я тотчас же читаю. В жизни бывает порой очень приятно. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. Все схватывает с полслова, ловит малейшую шутку...»

Максимилиана Волошина Бунина знал, как он писал, «со времен довольно давних», с начала века, но сблизился с ним в 1919 году в Одессе.

В воспоминаниях о Максимилиане Александровиче (напечатаны в 9-м томе собр. соч. Бунина, М. 1967) он говорит о нем как об одном из наиболее видных поэтов, сочетавших «эстетизм, снобизм, символизм... увлечение европейской поэзией конца прошлого и начала нынешнего века». В. Н. Бунина записала 26 марта (8 апреля) 1919 года:

«Вечером у нас опять Волошин. Он плохо устроился... Но несмотря на свое неустройство, он, как всегда, радостен и весел».

— Не нужно предаваться унынию, — подбадривает он... Давайте читать стихи. Я никогда не слышал чтения стихов Ивана Алексеевича.

— Прекрасно, — подхватывает Ян. — Вот вы нам почитайте, а я сегодня не могу.

— Хорошо, — соглашается Волошин, — я буду читать портреты.

Он читает хорошо... Но портрет он пишет так, как пишут художники, когда выдумывают сами, и отыскивают те черты,

И. А. БУНИН. 1912 г.

много стихов у него высокопарных, риторичных, пустых.

5 (18) апреля «вечером Волошин читал, — пишет Вера Николаевна, — нам своего Авакума. Справился он с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна... У него хорошо — на все примеряющая теория. Вероятно, он один из самых счастливых людей на свете».

Бунин хотя и писал, что у Волошина заметно «влечение к словам» — некоторая риторика, — но у него, говорит он, «через всю словесность вдруг проникает свое, настоящее». «Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты» (запись В. Н. Буниной 24 августа (6 сентября) 1919 г.).

Частым гостем у Буниных в эту пору был В. П. Катаев. В. Н. Бунина рассказывает: 30 июня (13 июля) 1918 года он пришел и ним. Спросил Ивана Алексеевича:

— Вы прочли мои рассказы? — Да, я прочел только два — «А квадрат плюс Б квадрат» и «Землянка»... И я понял из этих вещей, что у вас несомненный талант — это я говорю очень редко, и тем приятнее мне было увидеть настоящее. Боюсь только, как бы вы не разболтались. Много вы читаете?

— Нет, я читаю только избранный круг, только то, что нравится.

— Ну, это тоже нехорошо. Нужно читать больше, не только беллетристику, но и путешествия, исторические книги и по естественной истории. Возьмите Брэма, как он может обогатить словарь. Какое описание окраски птиц! Вы и представить не можете.

— Да, это верно, — соглашается Катаев, — но, по правде сказать, мне случно читать не беллетристические книги.

— Я понимаю, что случно. Но это необходимо, нужно заставлять себя. А то ведь как бывает: прочтут классиков, а затем начинают читать современных писателей, друг друга, и этим заканчивается образование. Читайте зарубежных писателей. Одолите Гёте.

Бунин говорил поэтессе Г. Н. Кузнецовой, что «жизнь писа-

ту, на ее синеву и на «ярко-зеленые волны леса». В состоянии некоторой отрешенности от будней жизни, смирившийся в искусстве, с сознанием того, каких вершин достиг в творчестве, он говорит по поводу фразы Мопассана «Я не видел ничего более захватывающего, чем Антиб на фоне Альп в часы заката»: «Да, вот еще!.. Мопассан! Для того, чтобы сказать эти и еще несколько слов о том, что ему было дорого, — а мне упорно кажется, что ему хотелось говорить только об этом, — он должен был выдумывать и подносить читателю целую историю о какой-нибудь неверной жене... Бедные писатели! Как часто для того, чтобы сказать что-нибудь немного, важное и дорогое им, они принуждены выдумывать целые ненужные истории и незаметно пристраивать где-нибудь это самое дорогое... И до сих пор ни у кого нет смелости писать только несколько нужных строк...».

Сам Бунин написал целый цикл рассказов в страницуде, а то и полстраницы или в несколько строк (вошли в 5-й том собр. соч., М. 1966). До него так никто не писал. «Стихотворения в прозе» Тургенева — творчество иного рода, без бунинской скупости в словах и его строгой сдержанности чувств.

Высокие образцы искусства Бунин создавал не только потому, что жизнь положил «на костер труда» (его слова, сказанные в ином контексте), а потому, что для него, как для Л. Толстого, этика и эстетика неразсторжимы.

У Бунина, как выразился Волошин, не было «корней в современной русской поэзии. Он стоит в стороне и ничем ей не обязан». И хотя Бунин многое восхищало в таких произведениях, как «Киммерийские сумерки», но в свои последние дни на земле он вспоминал не модернистов, требовавших «коренной ломки всего существующего в искусстве и самых новейших форм его», а Пушкина и Лермонтова, которых он узнал и полюбил так же, как узнал и полюбил Россию, «небо, воздух, солнце», и были они с ним «с самого начала» — не делимые от высших радостей:

Немая степь синее,
и венцом
Серебряным Кавказ
ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь,
тихо дремлет,
Как великан склонившись
над щитом,
Рассказам волн
кочующих внимаю,
А море Черное
шумит не умолкая.

(Лермонтов. «Памяти А. И. О_{доевско}го»)